

Впечатляет размах проделанной работы. Подробное рассмотрение концепций множества авторов позволяет обозначить этапы становления философии религии в творчестве русских мыслителей, выявить основные проблемы и направления развития этой области философии.

Один из неоднозначных выводов автора заключается в том, что русская философия религии принадлежит западноевропейской традиции (она не осталась в стороне от воздействия идей данной философской традиции и, с точки зрения автора, следовала её проблематике). По мнению автора, предлагаемые русскими мыслителями решения открывают новые горизонты развития философии религии - но в рамках тех вопросов и проблем, которые рассматриваются европейскими мыслителями.

Для специалистов по философии религии, истории русской мысли, истории западноевропейской философии. Для религиоведов, историков, культурологов. Для филологов, занимающихся изучением русской литературы XIX-XX вв. Для исследователей, изучающих отдельные аспекты догматического богословия, христианской апологетики, нравственного богословия (аскетики), агиологии, истории Русской Церкви, истории России, сравнительного богословия (истории западных исповеданий). В ограниченном объеме издание может быть использовано в качестве дополнительного учебного материала для студентов и аспирантов гуманитарных вузов и факультетов, для воспитанников, студентов и аспирантов духовных учебных заведений, богословских вузов и факультетов. Настоящая работа носит преимущественно обзорный характер. Автор обобщает обширный материал по истории русской мысли более чем за столетие, избирая в качестве ключевого аспекта рассмотрения философию религии в широком ее понимании.

Кострова Е.А.

Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности: опыт феноменологии религии. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – 168 с.

Данная монография предлагает читателю весьма непростую проблему для решения: показать, в чем состоит сущность религиозного действия, не являющегося при этом обрядом или ритуалом, показать, каким образом мы можем его описать как сугобо религиозное. При этом, уже во введении, обозначая свою позицию, автор пытается примирить две практически взаимоисключающие точки зрения на исследование.

С одной стороны, автор пытается отказаться «от бихевиористских предпочтений, от парсонского гиперсоциализированного субъекта, реализующего нормативное давление культуры», и заменяет его «нормативно-нравственным давлением трансцендентальной реальности, реальности божественного»¹. В этом случае очевидна попытка говорить о «реальности божественного» как о реальности онтологической, что, в свою очередь, позволяет нам квалифицировать работу как теологическую². Более того, углубляя эту позицию, исследователь предлагает считать любого верующего «профессионалом

¹ Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – С. 9.

² В данном случае понятие «теологический» не несет с собой никакой оценочности и несколько не обозначает «не научный» характер работы. С его помощью мы только хотим показать, что базовая позиция автора исследования основывается на убежденности в реальное существование «трансцендентального». И при этом мы сознательно оставляем в стороне проблематику оценки такого подхода как научного или нет.

религиозной деятельности»³, который *a priori* знает в изучаемой области больше, нежели «временные»⁴ исследователи. С этой точкой зрения также весьма сложно согласиться, поскольку человека, называющего себя верующим и православным (а работа написана как раз на материале, взятом из жизни православного прихода) и посещающего регулярно храм, и не знающего при этом символизма эпиклезы или херувимской песни (и таких прихожан в современном российском православии немало), сложно назвать экспертом.

С другой же стороны, автор использует подход П. Бергера и его «метод исследования феномена таким, каким он явлен в человеческом опыте, не поднимая вопроса об окончательном его статусе в реальности»⁵. И в этом случае мы говорим о подходе феноменологическом, применяя который в религиоведении мы, как ученые, должны следовать правилу исключения трансцендентного. Эта заданная изначально методологическая двойственность будет присутствовать в исследовании и далее.

Параграф 1.1 первой главы исследования автор пытается найти базовую категорию описания религии в целом и религиозного опыта в частности с тем, чтобы, как кажется, затем применить ее как индикатор религиозного/не религиозного относительно повседневного действия. В его поисках автор говорит о понятии «религия» и его терминологической истории, говорит о возможных подходах к анализу религии – рациональном (эволюционном), который в работе олицетворяют прежде всего античные философы Протагор и Критий⁶, и символическом, представленном Максом Мюллером⁷ – и в итоге приходит к понятию «сакральное». Его исследователь также считает не нейтральным, а также не свободным «от теистической персонализационной нагрузки»⁸, и тем самым выдвигает понятие «Божественное» как единицу анализа религиозных феноменов. При этом, – и в этом снова проявляется методологическая двойственность работы – в занимающем центральное место в работе определении религиозного действия этот термин не используется.

Как следствие, определение получается весьма широким и применимым не только к кругу религиозных действий: «Религиозное действие – система социальных актов, отражающих возникшие у людей сильные, всеобъемлющие и устойчивые мотивации, формирующие представления об общем порядке бытия, до или в процессе которых происходит переключение актора в соответствии с этими представлениями таким образом, что данные представления становятся в его восприятии единственно отражающими действительность (реальность), в соответствии с чем и установки, и мотивации, реализуемые актором, становятся (кажутся) единственно правильными»⁹. Приведем простой пример: предположим, что мы будем рассматривать развитие школьника, интересующегося физикой, который поступает в университет, заканчивает аспирантуру и затем становится академиком. Он в процессе своего обучения и исследовательской работы (системы социальных актов) может осознать, что физика – это единственно верный способ отражения действительности, и как следствие, его установки и мотивации в объяснении окружающего мира будут

³ Астахова Л.С. Религиозное действие в контексте повседневности. – Казань: Издательство Казанского университета, 2008. – С. 10.

⁴ Там же – С. 11.

⁵ Там же – С. 9.

⁶ Там же – С. 16.

⁷ Там же – С. 18. В данном случае не совсем понятны – и они явно не обозначены в работе – основания такого противопоставления или выделения только такого типа подходов.

⁸ Там же – С. 28.

⁹ Там же – С. 80.

(казаться) единственно правильными. Следовательно, исследовательская работа такого человека будет религиозным действием. Очевидно, что данное определение нуждается в уточнении.

Тем не менее, данная монография интересна с нескольких точек зрения. Прежде всего – это единственная работа на русском языке, полностью посвященная исследованию религиозного действия и проблеме его существования в повседневной жизни. Это взаимодействие, безусловно, имеет прямое отношение к проблеме разграничения религиозного и не религиозного и как следствие к проблеме определения религии, к прояснению которой монография вносит свой вклад. Во-вторых, работа являет нам пример мирного сосуществования теологического и религиоведческого подходов, разногласия которых в российской науке переросли в настоящую войну, ведущую к уничтожению – или очень сильному ослаблению обеих сторон. Таким образом, данную монографию можно рекомендовать для ознакомления как религиоведам, там и теологам.

Сафронов Р.О.

Будущее религии в Европе / Сб. ст.; под ред. И.Х. МаксUTOва, О.К. Горевой. – СПб.: Алетейя, 2010. – 288 с.

Религиозная жизнь в европейских странах чрезвычайно многообразна, и она совсем не характеризуется господством одного политкорректного мировоззрения или же либерального христианства, отошедшего от традиционных ценностей, которое является опорой европейской демократии. Все это – стереотипы, не отражающие во всей глубине религиозность европейцев (их безрелигиозность, как и безрелигиозность россиян, как становится очевидным из исследований ученых – это также важная тема). Конкретные эпизоды развития религиозной жизни представлены в сборнике статей «Будущее религии в Европе», который издан по материалам одноименной конференции, проведенной Московским религиоведческим обществом на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Целый ряд статей, посвященных православию, раскрывают неожиданное современное лицо Православных церквей в разных странах, в том числе и в России. Роман Коробко (Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН) в статье «Оценка численности прихожан православных церквей Тюмени» отмечает, что несмотря на различные официальные заявления численность людей, посещающих храмы РПЦ растет чрезвычайно медленно, и скорее происходит не рост, а перераспределение уже существующих верующих между храмами и праздниками (к примеру, помимо Пасхи и Рождества, многие ходят еще на Вербное воскресенье). Причем, данные по Тюменской области в целом совпадают с исследованиями социологов в других областях.

Сознание верующих иногда довольно сложно понять, если исходить из строгих церковных критериев. В статье Анны Соколовой (Институт Этнологии и Антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) о религиозности сельских жителей России утверждается, что, пользуясь количественными методами, задавая прямые вопросы о посещении литургии или причастии можно легко получить картину абсолютной безрелигиозности населения (анализ сделан на основе опроса 2005 года среди жителей Селивановского района Владимирской области). Однако автор убежден, что респондентам присущи глубокие религиозные чувства, которые далеки от церковных догм и канонов и сочетаются с крайним религиозным невежеством.

В статье Елены Левкиевской ((Институт славяноведения РАН) «Механизмы неформальной коммуникации в современном православном дискурсе России» отмечается, в частности, на основе анализа различных текстов, что